

Окунув кисть в чернила, он начал писать мелким почерком, завершив последний иероглиф, перешел к восемнадцатому листу. Рука его замерла, услышав шаги у двери, и он увидел Цзоу Линя, который торопливо вошел.

— Докладываю, господин, Хо Линьфэн задержался у ворот дворца, неизвестно, что он задумал.

Жун Лоюнь напрягся:

— Он один?

Цзоу Линь ответил:

— Похоже на то, он стоит на лошади у ворот, пока не предпринял никаких действий.

Жун Лоюнь задумался на мгновение:

— Не обращайтесь на него внимания, продолжайте нести службу как обычно.

Он отпустил Цзоу Линя и продолжил переписывать, но сразу же допустил ошибку. Скомкав бумагу, он начал заново, с предельной осторожностью, и постепенно завершил половину текста.

Когда он писал последнюю строку, звук дождя внезапно усилился.

Шум ливня наполнил весь мир.

Жун Лоюнь закончил писать, отложил кисть и ждал, пока чернила высохнут. Свертывая свиток, он вдруг замер.

На последней строке явно было написано: «Ночной дождь обрушился на землю, а тот человек взял ли зонт?»

Восемнадцатый раз оказался напрасным, но Жун Лоюнь сейчас не мог переписать его заново, решил отложить это на завтра.

Он взял низкую свечу и вернулся в спальню. Маленькое окно было открыто, дождь намочил кушетку у окна. Не обращая внимания на мокрую подушку и влажный плед, он сразу же взял шелковый веер с маленького столика.

Стороны веера уже промокли, белое дерево и цветы магнолии переплелись в свете свечи. Попытки протереть его оказались бесполезными, и он просто сел на кушетку, начав обмахиваться веером.

Ему было немного холодно, он накинул влажный плед, затем почувствовал усталость и прислонился к мокрой подушке. Жун Лоюнь, словно императорская наложница, не спал глубокой ночью, лежал, не зная, холодно ему или жарко.

Продолжая обмахиваться, он устался на веер, словно впал в забвение. Утром, в приступе гнева, он уничтожил все предметы, напоминающие о чувствах, только этот веер остался. Если бы сейчас он взял меч, то не смог бы поднять руку.

С грохотом открылось прикрытое окно, и внутрь хлынули крупные капли дождя. Жун Лоюнь вздрогнул, приподнялся и закрыл окно, оставив небольшую щель, чтобы смотреть на ливень.

...А Хо Линьфэн взял ли зонт?

Простуда — это пустяки, но если рана от меча промокнет, что будет с инфекцией? А если рука откажет?

Жун Лоюнь, держась за оконную раму, размышлял, затем отрицал свои мысли. Он же не глуп, наверное, взял зонт, а может, уже ушел? В этот момент мимо Безымянной обители прошел отряд учеников.

Его тонкие губы, вопреки воле мозга, открыли окно, и он крикнул:

— Подождите!

Ученики, услышав голос, вошли во двор и направились к свету на веранде. Увидев, что господин накинул плед, держит шелковый веер, а лицо его освещено теплым светом свечи, они были поражены его изысканной и необычной позой...

Жун Лоюнь спросил:

— Хо Линьфэн ушел?

Ученик ответил:

— Нет, все еще стоит под дождем.

Жун Лоюнь замер, все еще под дождем, такой ливень наверняка промочил его насквозь. Его тело, вопреки воле мозга, направилось к шкафу, чтобы взять зонт. Но затем он подумал, что с зонтом тот может задержаться еще дольше. Раненое плечо, пропитанное холодным ветром, и так уже достаточно страданий.

Он сжал сердце, оставил зонт и приказал:

— Сообщите другим господам, пусть прогонят Хо Линьфэна.

Ученик смутился:

— Все остальные господа уже спят, может, вы сами?

Жун Лоюнь сказал:

— Тогда разбудите их, зачем спрашиваете меня?

Ученик снова спросил:

— Сообщить ли господину Дуань Чэньби?

Жун Лоюнь покачал головой, ни в коем случае нельзя сообщать Дуань Чэньби, Хо Линьфэн не сможет противостоять мастеру, и лучше уж ему промокнуть под дождем, чем быть убитым одним ударом. Отдав приказ, он отпустил отряд учеников, и те тут же скрылись из виду.

Он расслабился, мягко откинувшись на кушетку, и накрыл лицо веером. Вздыхнув, он понял, что сегодняшней ночью ему не уснуть.

За пределами Дворца Буфань Хо Линьфэн подошел к углу ворот, укрывшись под узким навесом

от дождя и ветра. Было холодно, рана болела, но он сидел на лошади с прямой спиной, совсем не так, как должен выглядеть человек, использующий тактику «страданий».

На поле боя, где жизнь и смерть разделяет тонкая грань, сильные воины презирают использование тактик обмана.

Кроме того, он уже пообещал, что больше никогда не будет обманывать Жун Лююня.

Хо Линьфэн терпеливо ждал. Когда правда раскрылась, Жун Лююнь был потрясен, и утренний удар мечом, вероятно, помог ему выпустить гнев. Теперь, когда эмоции улеглись, он должен выслушать его объяснения. Даже преступникам дают возможность высказаться, так почему бы ему не сделать то же самое?

Если к утру он так и не дождется, то вернется следующей ночью. Если и тогда его не дождутся, то придет и в следующую ночь.

Пока он размышлял, высокие ворота позади него медленно открылись, издав гулкий звук.

Он пришел! Хо Линьфэн, с радостью на лице, спрыгнул с лошади, от чего плечо пронзила острая боль, но он не обратил на это внимания, поспешно бросившись к воротам. Изнутри навстречу ему вышел человек, и они столкнулись.

Присмотревшись, он увидел, что это Дуань Хуайкэ.

— Почему это ты? — генерал Хо сразу разозлился. — Что ты тут делаешь?

Дуань Хуайкэ парировал:

— Это я должен спросить тебя.

Он сладко спал, когда его разбудили, заставив пройтись под дождем, и все из-за этого парня. Он спросил:

— Что ты задумал, молодой маркиз, шатаясь у ворот Дворца Буфань глубокой ночью?

Хо Линьфэн ответил вопросом на вопрос:

— Подданный Да Юн стоит на земле Да Юн, ты что, мне указ?

Дуань Хуайкэ приказал:

— Хватит болтать, убирайся отсюда!

Хо Линьфэн снова сел на лошадь, но не уехал, а с высоты своего положения сказал:

— Мне вдруг вспомнилось кое-что. Если господин сможет ответить, я сразу уйду.

Дуань Хуайкэ взмахнул рукавом, будучи образованным, он не боялся ответов.

В дождливую ночь двое мужчин ростом более восьми чинов сражались словами, и долго не могли определить победителя. Наконец, Хо Линьфэн применил последний аргумент:

— В тот день ты проиграл мне, почему до сих пор не закрылся на год?

Снова об этом! Дуань Хуайкэ, разозленный и смущенный, крикнул:

— Слезай, я снова сражусь с тобой.

Хо Линьфэн прикрыл плечо:

— Пользуешься слабостью, тебе не стыдно?

Несколько слов заставили Дуань Хуайкэ так разозлиться, что у него закружилась голова. Неудивительно, удивительно, что Жун Лоюнь так привязан к этому парню, это как говорится: «Рыбак рыбака видит издалека». Он больше не хотел иметь с этим дела, лучше вернуться и молиться о дожде и громе, пусть небеса разберутся.

Дуань Хуайкэ повернулся и быстро исчез за воротами.

Вытерев лицо, Хо Линьфэн поправил плащ и продолжил ждать. По логике, после старшего брата должен был выйти второй, так что Жун Лоюнь должен появиться, верно? Примерно через время, необходимое для чашки чай, Дуань Хуайкэ добился успеха в молитве, и дождь усилился.

Его тело окоченело от холода, рана ныла, правая рука слабо отпустила поводья. Хо Линьфэн услышал, как кто-то приближается, шаги были легкими и быстрыми. Легкие и быстрые, может быть...

— Ду Линьфэн!

Появился Лу Чжунь, хотел было крикнуть «Ду Чжунь», но вдруг вспомнил, что это «Хо Линьфэн», и дал ему новое имя. Он держал зонт в одной руке и изогнутый клинок в другой, на щеке остался узор от подушки.

Хо Линьфэн с выражением «я так и знал» презрительно приподнял бровь.

Услышав о происшествии, Лу Чжунь вылез из-под одеяла и пришел, несмотря на холод и сонливость, не устояв перед силой новой ненависти. Во сне он был как дворняга, а проснувшись — как бандит:

— Я еще не успел с тобой разобраться, а ты сам пришел!

Хо Линьфэн спросил:

— О каком разбирательстве речь?

Лу Чжунь ответил:

— Верни мои деньги!

Он не был таким благородным, как Дуань Хуайкэ, протянул руку, чтобы схватить поводья, и размахивал изогнутым клинком перед лицом Хо Линьфэна.

— Мои четыре тысячи лян, и еще тысяча за победу в поединке, всего пять тысяч лян!

С какой уверенностью! Хо Линьфэн снова спросил:

— Как ты добыл эти деньги?

Лу Чжунь с уверенностью ответил:

— Это мои кровью и потом добытые деньги!

Хо Линьфэн на мгновение потерял дар речи. Наклонившись, он схватил этого жадину за воротник:

— А как насчет моего имущества, которое ты украл? А как насчет жизни двадцати храбрых воинов?

С этими словами он швырнул Лу Чжуня на землю.

Упав в лужу, Лу Чжунь потерял зонт.

Хо Линьфэн, словно дал пощечину, сказал:

— Я, как генерал, имею полное право арестовать тебя, подвергнуть пыткам и конфисковать все золото и серебро из Павильона Цанцзинь.

Увидев страх в глазах противника, он добавил:

— Но если ты будешь умным, я не только отпущу тебя, но и дам тебе несколько тысяч лян.

Лу Чжунь поднялся:

— Я умный, с детства очень умный. Давай сначала тысячу лян...

Хо Линьфэн усмехнулся:

— Когда твой второй брат согласится со мной разговаривать, тогда и получишь награду, понял?

А пока что он с нетерпением протянул руку:

— Сначала дай зонт.

Лу Чжунь, смущенный, передал зонт и, ошеломленный, пошел обратно. Уговорить второго брата поговорить с Хо Линьфэном? В любом случае, Хо Линьфэн больше не старший ученик, так что вряд ли он обойдет его, так что, наверное, все в порядке?

Думая на ходу, Лу Чжунь постепенно удалялся.

Хо Линьфэн замерз, слез с лошади и начал ходить взад-вперед, сделав двести шагов, когда появился еще один человек. Он спокойно ждал, в мгновение ока увидев маленькую фигурку — это был Дяо Юйлян.

Дети растут во сне, и быть разбуженным — это мука. В отличие от гнева Дуань Хуайкэ и безумия Лу Чжуня, он выглянул из-за железных ворот:

— Зачем ты пришел?

Хо Линьфэн тихо рассмеялся:

— Почему четвертый господин не ругается?

<http://bllate.org/book/16167/1449412>